

Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics
Research Group “Theory of grammar”

Object Genitive of Negation in Russian

Studies in the Theory of Grammar
Issue 5

Edited by Ekaterina Rakhilina,
Alexander Letuchiy & Tatiana Reznikova

«Probel»
Moscow – 2008

Российская академия наук
Институт языкознания
Проблемная группа по теории грамматики

Объектный генитив при отрицании
в русском языке

Исследования по теории грамматики
Выпуск 5

«Пробел»
Москва – 2008

Редакционная коллегия:
А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова

Составитель – Е. В. Рахилина

Исследования по теории грамматики. Вып. 5: Объектный генитив при отрицании в русском языке. / Сост. Е. В. Рахилина. – М.: Пробел, 2008. –

В сборник входят статьи, в которых на материале Национального корпуса русского языка исследуются правила выбора между винительным и родительным падежом в конструкции с отрицанием дополнения. Это одна из наиболее сложных проблем современной русистики, связанная со многими тонкими особенностями морфологии, синтаксиса, семантики и прагматики русского языка.

Для специалистов по русскому языку, теоретической семантике, корпусной лингвистике.

ISBN 5-12345-123-1

© Авторы 2008

Содержание

<i>От составителя</i>	7
РАЗДЕЛ I	
<i>Е. В. Рахилина</i> . Предисловие.....	10
<i>А. В. Десятова</i> . Генитив под отрицанием при посесивных глаголах.....	32
<i>Е. А. Демьянова</i> . Экспериенциальное знание: контексты глаголов восприятия.....	43
<i>А. В. Беляева</i> . Объектный генитив отрицания при глаголах обладания и восприятия.....	57
<i>А. Б. Летучий</i> . Генитив, классы глаголов и пресуппозиция.....	78
<i>Д. А. Эршлер</i> . Генитив отрицания и непацентивные значения аккузатива: феноменология и семантика	97
<i>Е. В. Падучева</i> . Послесловие. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис.....	123
РАЗДЕЛ II	
<i>В. Б. Борцев, Е. В. Падучева, Б. Х. Парти, Я. Г. Тестелец, И. С. Янович</i> . Русский родительный падеж: референтность и семантические типы.....	148

Contents

Editorial note.....7

PART I

Ekaterina V. Rakhilina. Introduction.....10

Anna V. Desyatova. Genitive under Negation
with Verbs of Possession.....32

Ekaterina A. Demiyanova. Experiential knowledge:
Perception Verbs and their Complement Syntax.....43

Anna V. Belyaeva. Object Genitive of Negation
with Verbs of Possession and Perception.....57

Alexander B. Letuchiy. Genitive, Verb Classes,
and Presupposition.....78

David A. Ershler. The Genitive of Negation
and Non-Patient Accusative meanings:
Phenomenology and Semantics.....97

Elena V. Paducheva. Epilogue. Genitive of
Negation: Morphology, Semantics, Syntax.....123

PART II

Vladimir B. Borschev, Elena V. Paducheva,
Barbara H. Partee, Yakov G. Testelefs,
Igor S. Yanovich. Genitive in Russian:
Referentiality and Semantic Types.....148

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник представляет некоторые результаты работы над проектом «Русский генитив при отрицании: интеграция лексической и композиционной семантики», поддержанным фондом NSF в 2004-2008 гг. (грант BCS-0418311 “The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics”, руководители Барбара Холл Парти и В. Б. Борщев; консультанты Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец).

Сборник состоит из двух частей. Первая — это небольшие корпусные исследования объектных генитива и аккумулятива с отрицанием в конкретных лексико-семантических условиях и два развернутых лингвистических комментария к этим работам: предисловие, написанное мной, очерчивает общий фон, на котором эти исследования проводились, а послесловие, написанное Е. В. Падучевой, встраивает некоторые из полученных результатов в контекст ее собственного видения проблемы генитива с отрицанием. Вторую часть составляет общетеоретическая работа В. Б. Борщева, Е. В. Падучевой, Б. Х. Парти, Я. Г. Тестельца и И. С. Яновича. В ней предлагается гипотеза, которая объединяет поведение родительного падежа при отрицании и родительного при интенциональных глаголах типа *ждать* или *искать* в рамках теории референтности и семантических типов.

Несколько слов о первой части. В нее входят работы молодых российских лингвистов — слушателей семинара «Генитив объекта при отрицании: семантика конструкции», который я вела в осеннем семестре 2005 года в Институте лингвистики РГГУ в рамках работы над проектом. Дело в том, что моей «зоной ответственности» в проекте была лексическая семантика и поиск лексико-семантических факторов, влияющих на выбор варьирующегося падежа в отрицательных контекстах, поэтому на наших занятиях конструкция генитива с отрицанием, которая традиционно служила своеобразным полигоном синтаксических теорий, рассматривалась с лексико-семантической точки зрения.

Идея была в том, чтобы превратить семинар из обычного, где слушателям сообщается уже известное в лингвистике множество фактов, в своего рода исследовательскую лабораторию, чтобы дать возможность студентам быть не только пассивными

слушателями, но и исследователями, причем как теоретиками, так и практиками сразу: предполагалось, что апробация всех гипотез должна быть проведена на материале Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Надо сказать, что до сих пор семантические исследования данной конструкции не проводились на большом языковом материале — исключение составляет, конечно, книга Mustajoki, Heino 1991 (цитируемая почти во всех статьях сборника), выполненная на специально собранном для этого (фактически вручную) корпусе текстовых фрагментов. Но тогда, в начале девяностых, просто не было тех технологических возможностей сбора материала, которые открылись теперь, так что объемы материала, доступные лингвисту в то время и сегодня, почти не сопоставимы. С другой стороны, как человек, причастный к разработке Национального корпуса русского языка и заинтересованный в его апробации на самом широком спектре лингвистических задач, я хотела сделать такую работу именно с опорой на Корпус, в то время уже довольно представительный: к началу нашей деятельности он содержал в общей сложности не менее 60 млн. словоупотреблений, а в подкорпусе со снятой вручную грамматической омонимией — более 1 млн.

Каждый участник семинара самостоятельно выбирал себе конкретную зону практического исследования и затем проводил его — в качестве «домашнего задания» — на материале Корпуса. С моей точки зрения, все эти работы были обречены на успех: материал, причем самостоятельно найденный, никогда и нигде не рассматривавшийся (по крайней мере с такой степенью подробности), сам подталкивает исследователя, пусть даже и начинающего, к поиску гипотез и обобщений. И они возникают — обычно неожиданные, иногда спорные и всегда — интересные. На наших занятиях гипотезы проходили, что называется, проверку боем: в их обсуждении участвовали все слушатели.

Результаты каждой работы были представлены по истечении семестра на «открытом» экзамене в виде докладов; экзамен проходил с участием сотрудников проекта. Материал показался всем свежим, новым, и в итоге возникла идея сделать из этих докладов статьи, которые бы вошли в небольшой сборник. К

сожалению, не все участники семинара успели подготовить свои статьи, но кажется, что каждая из тех, что вошла в этот сборник, содержит свое собственное лингвистическое «открытие» — новый материал и новые идеи. Теперь с ними можно спорить или соглашаться: они опубликованы.

Как составитель этого сборника я хотела бы выразить глубокую признательность его редакторам, А. Б. Летучему и Т. И. Резниковой, а также всем сотрудникам проекта за многообразную помощь. Но прежде всего — Барбаре Х. Парти, профессору Массачусетского университета в Амхерсте, которая являлась не только организатором, но и душой всего проекта.

Е. В. Рахилина

РАЗДЕЛ I

Е. В. Рахилина

ПРЕДИСЛОВИЕ*

0. Общие сведения

Хорошо известно, что в русском языке отрицание глагола может в некоторых случаях воздействовать на способ оформления его основных аргументов (ср., например, РГ–80). Так, вместо ожидаемого (т. е. того же, что и в соответствующем утвердительном предложении) именительного падежа, подлежащее оказывается оформлено родительным, ср. ставший хрестоматийным пример (1):

(1) *Фонари_{Nom} горели* → *Фонарей_{Gen} не горело*,

наряду с возможным: *Фонари_{Nom} не горели*.

То же верно и для прямого объекта, который в обычном случае оформляется винительным падежом: иногда вместо или наряду с винительным при отрицании глагола оказывается возможным его оформление родительным падежом, как в (2):

(2) *Я понял это предложение_{Acc}* →

Я не понял этого предложения_{Gen},

ср. также возможное: *Я не понял это предложение_{Acc}*.

Обычно исследователи признают, что эти отклонения в падежном маркировании скорее всего как-то связаны друг с другом, но пока убедительного общего объяснения им не найдено, это **два** факта (и две загадки) русской грамматики — и исследования, которые отражены в данном сборнике, посвящены второму: генитиву объекта.

1. Опыт изучения проблемы

Выбор падежа объекта при отрицании (генитива или accusativa) — проблема очень трудная для описания. На эту тему

написано так много статей и книг, что их библиографии сами составляют книги, ср. Corbett 1986. Ответа нет. А между тем, в прикладном плане — прежде всего, при обучении русскому языку иностранцев — это проблема насущная, потому что конструкция с отрицаемым объектом в русском языке довольно частотна.

1.1. Контекстные факторы

В некотором смысле от беспомощности практическая русистика уже давно пошла по пути выделения всех возможных факторов, так или иначе связанных с контекстами, где выбран тот или другой падеж, ср., например, Timberlake 1975 или Ицкович 1982. Но пока неясно, какова природа этой связи: выбирается ли генитив или аккузатив, *потому что* действует данный контекстный фактор или просто они оба — выбор падежа и этот фрагмент контекста — возникают одновременно, подчиняясь действию одного и того же правила.

«Энциклопедией» факторов такого рода, в разное время отмеченных разными исследователями, является книга (Mustajoki, Heino 1991): в ней каждый из предполагаемых факторов проверяется на относительно небольшом (около 4 тыс.) корпусе отрицательных предложений с прямым объектом, маркированным либо аккузативом, либо генитивом. Учитываются и статистически обрабатываются практически все факторы, которые когда-либо были выделены как релевантные для выбора падежа — наречные сочетания (*чуть не, еще не* и мн. др.), контекст вопроса (причем и его форма, и семантика), придаточные с различными союзами, лицо, число, наклонение и др. под. — и наконец, семантический класс отрицаемого глагола. В то же время, вопрос о статусе исследуемых факторов намеренно оставлен открытым: авторы прямо говорят, что не претендуют на то, чтобы вскрыть причинные зависимости. Их цель практическая: помочь студенту-иностранцу догадаться, какой падеж скорее всего окажется правилен в этом или другом контексте. Иногда это просто сделать, в особенности когда фактор, в терминологии Мустайоки–Хейно, «сильный» — это значит, что в его присутствии *всегда* выбирается тот или иной падеж. К таким «сильным» факто-

рам, по классификации Мустайоки–Хейно, относится, например, глагол *иметь*, ср. *он не имел своего жилья*_{Gen}/**своё жильё*_{Acc}, или прилагательное *никакой*, ср. *не извлекал никакой выгоды*_{Gen}/**никакую выгоду*_{Acc}). Но иногда — и причем как раз в подавляющем большинстве случаев — это сделать не так уж просто: обилие теоретически возможных факторов (в книге их сотни) в реальном тексте создает их конкуренцию.

После того как проведена такая тщательная «инвентаризация» известного в русистике материала, становится совершенно ясно, что теоретическая лингвистика должна, пусть и опираясь на такого рода наблюдения, идти каким-то другим путем. Действительно, представим себе, что связь между отдельными типами контекстов и способом оформления объекта и в самом деле является причинной. Это значит, что должны действовать частные правила типа: когда объектом является абстрактное имя (абстрактность объекта действительно причисляется очень многими исследователями к существенным факторам, влияющим на выбор падежа), то (и поэтому) в качестве падежа объекта выбирается генитив. С теоретической точки зрения такая ситуация все равно потребовала бы дополнительного осмысления: нужно было бы понять мотив действия данной частной причины, — тем более, если бы частных правил и частных причин такого рода оказалось много. Следовательно, в чисто теоретическом плане поиск контекстов-факторов — это, может быть, способ приблизить решение проблемы, но не способ ее решить.

Другая трудность контекстного подхода состоит в том, что разные факторы (если они действительно причинные) слишком часто взаимодействуют друг с другом вплоть до противоречия, но правила такого взаимодействия неизвестны. Наконец, третье: какова степень общности правил, действующих в зоне объектного генитива?

1.2. Связь с конструкцией субъектного отрицания

Дело в том, что в этой области русской грамматики как раз активно идет поиск общих стратегий, которым подчиняется русская конструкция генитива с отрицанием: есть гипотеза неаккузативности (ср. Perlmutter 1978; Levin, Rappaport 1995), ко-

торая, с точки зрения Д. Песецкого и С. Харвес, может быть применена к русскому субъектному генитиву, а также принципиально другие подходы, которые здесь мы объединили под условным названием «прагматические». Первые ищут в генитиве с отрицанием (правда — только субъектном) отражение универсальных синтаксических правил; вторые не полагаются на универсальный синтаксис, зато обнаруживают общность субъектного и объектного генитива под отрицанием.

Неаккузативность

Согласно гипотезе неаккузативности, в языках имеется два семантико-синтаксических класса переходных глаголов: при одних подлежащее ведет себя как субъект переходного глагола (ср. глаголы со значением ‘прыгать’ или ‘дышать’), а при других — как объект переходного глагола (таковы, например, ‘лежать’ или ‘падать’); последние, а вслед за ними и теория данного противопоставления в целом, называются «неаккузативными»; им противопоставлены «неэргативные» глаголы. Считается, что эти группы глаголов часто (и в разных языках) оказываются противопоставлены в тех или иных конструкциях. В частности, распространено мнение, что в русском языке распределение генитива и номинатива подлежащего отрицательных предложений связано с принадлежностью глагола к одному из этих двух классов и даже может служить своеобразной диагностикой неаккузативности (подробнее см. прежде всего Chvany 1975; Pesetsky 1982; Harves 2002): подлежащее оформляется генитивом тогда, когда глагол неаккузативный (с пассивной, пациентной семантикой) и не оформляется (стоит в номинативе) при глаголах противоположного класса с агентивной семантикой (*яблоко больше не падало / на земле не валялось*, но: **лягушек не прыгало*, **роз больше не дышало свежестью*).

Еще одной диагностикой неаккузативности для русского языка в работах Песецкого, Харвес и некоторых других признается распределительная конструкция с предлогом *по*, ср.: *на каждом дереве висит* (неаккузативный глагол) *по яблоку* VS. **на каждом дереве поет* (неэргативный глагол) *по птице*. Однако в работах Ю. Л. Кузнецовой (Kuznetsova 2004, Кузнецова

2005) убедительно показано, что диагностикой она не является: есть примеры, когда неэргативные глаголы допускают *no*, а неаккузативные — запрещают, и в целом правило употребления *no*-конструкции семантически и апеллирует к структуре множества выбора, которую задает контекст (что, вообще говоря, было бы естественно для распределительной конструкции).

Таким образом, генитив с отрицанием очень существен для сторонников теории неаккузативности: он остается единственной надежной (но надежной ли?) диагностикой неаккузативности в русском. Между тем, применительно к варьированию генитива и номинатива гипотеза неаккузативности вызывала серьезные возражения — ввиду того, что строгие ограничения на класс глагола, которые она постулировала, в соответствующих работах часто иллюстрировались очень искусственными примерами, тогда как в реальных русских текстах они фактически не выдерживались, ср. известные примеры типа *тараканов по углам не бегало* — с генитивом при глаголе неаккузативного (т.е. неэргативного) класса; ср. также многочисленные запреты на генитивную конструкцию с типично неаккузативными глаголами **творога не горчило* (пример из Апресян 2006; см. подробнее ниже). Складывалось ощущение, что правило, регулирующее падеж подлежащего, оказывается в русском языке значительно более гибким и сильнее связанным с общим контекстом ситуации, а не просто с синтаксическим классом глагола.

Прагматические подходы

В связи с этим один из первых критиков неаккузативности Л. Бэбби предложил альтернативный подход, согласно которому генитив отрицания возможен только в бытийных предложениях; при этом падежное варьирование в подлежащем определяется тема-рематической структурой соответствующего отрицательного предложения, см. Babby 1980, 2001.

Прагматический подход предлагают и Б. Парти и В. Б. Борщев (Борщев, Парти 2002; Partee, Vorschev 2005) — они используют метафору перспективы ситуации, движущейся камеры, которая выхватывает то подлежащее, то локативную составляющую, и в зависимости от этого выбирается способ падежного маркирова-

ния (соответственно, номинатив или генитив). Е. В. Падучева (Падучева 1992, 1997) тоже говорит о своего рода перспективе — но только для генитивных контекстов: она пытается доказать, что в тех случаях, когда подлежащее в генитиве, предложение может иметь не только бытийную, но и перцептивную семантику, так что генитив маркирует не только несуществование, но и отсутствие в поле зрения наблюдателя, который в этом случае — если использовать метафору Парти–Борщева — «ставит» камеру наблюдения и определяет перспективу ситуации.

Возражения

Надо сказать, что каждая из трех теорий подвергалась критике и вызвала возражения — см., например, (Апресян 2006: 43–47)¹.

В этом недавно написанном фрагменте Ю. Д. Апресян критикует одновременно как концепцию «бытийности», так и концепцию «перцептивности» — т. е. теорию прагматической структуры события в целом, — считая, что выбор падежа подлежащего при отрицании по большей части является словарной информацией, и в этом, как он сам признает, он опирается прежде всего на свое убеждение, что «рассчитывать на стопроцентно мотивированное семантическое правило в данном случае было бы нереалистично: русский язык чересчур лексикализован для этого» (с. 46).

В то же время, у Ю. Д. Апресяна есть и конкретные лексикологические замечания, которые представляют большой интерес с точки зрения любого подхода к этой проблеме. В частности, он обращает внимание на то, что разные глаголы одного и того же таксономического класса — в том числе перцептивные — могут вести себя по-разному. Так, глаголы зрительно наблюдаемого свойства (Апресян 1974: 86, 98; Булыгина 1982: 52) — *белеть*, *чернеть*, *голубеть* обычно генитивны, но, как отмечает Ю. Д. Апресян, глагол той же группы *краснеть* — склонен к генитивности в гораздо меньшей степени: *Не краснеет маков в поле*.

¹ Впрочем, справедливости ради, скажем, что все обсуждаемые в данной работе примеры являются аргументами и против гипотезы неаккузативности как способа интерпретации данного факта русской грамматики.

Это наблюдение тем более интересно, что данное синтаксическое отклонение вовсе не случайно: не все из глаголов данного морфологического типа обязательно стативны — некоторые, и в первую очередь как раз *краснеть* и *зеленеть*, обозначают процессы, ср. (Рахилина 2000: 181–182). В частности, *краснеть* прежде всего значит ‘спеть, поспевать’, так что сильная «конкуренция» с этим значением вне более широкого контекста часто подавляет его бытийное значение — в особенности под отрицанием, хотя утвердительные предложения типа: *краснеют шляпки подосиновиков* в принципе допустимы и в непроецессной, стативной интерпретации.

Не единообразно ведут себя по отношению к отрицательным контекстам и глаголы звукового восприятия; некоторые из них (*лязгать* или *скрежетать*) Ю. Д. Апресян предлагает считать исключениями из бытийно-перцептивного правила (с. 45). Между тем, как кажется, и эти «исключения» объяснимы. Дело в том, что под условия этого правила должны подпадать лишь те контексты, которые выражают, так сказать, «звучащее бытие», как в предложениях типа: *не гремело победных маршей* — марши существуют, только когда они гремят. Ср. сомнительное ^{??}*не гремело кастрюль* — существование кастрюль не прямо связано со звуковым рядом. Еще в большей степени это относится к отмеченным Ю. Д. Апресяном *лязгать* и *скрежетать*: это глаголы, которые обозначают особые звуки, в чем-то отклоняющиеся от нормы и свойственные испорченным, деформированным объектам. Таким образом, природа их такова, что они не могут определять (обычное) существование предмета — и, естественно, они не склонны к генитивному подлежащему. То же верно, видимо, и для глаголов запаха (**рыбы не пахнет* / **не воняет*² и особенно вкуса (**творога не горчит*), на которые указывает Ю. Д. Апресян: ни существование рыбы, ни тем более творога не связано с запахом или вкусом — и то, и другое (в отличие, например, от парусов, которые всегда видны при хорошей

² Причинам негенитивности глаголов этой группы и особенностям их поведения под отрицанием глаголов посвящена специальная статья Е. В. Падучевой (2008).

погоде — и белеют, см. здесь статьи Б. Парти и В. Б. Борщева) может существовать, но не издавать запаха и не иметь (тем более неприятного) вкуса. Ср. здесь более приемлемое *не благоухало роз* — потому что само существование этих цветов для говорящего — хотя и тоже не всегда обязательно, но все же гораздо теснее связано с приятным запахом. Аналогичное рассуждение можно применить и для **шубы не греет*, **кративы не жжется* и др. подобных.

Таким образом, как кажется, бытийно-перцептивное правило все-таки работает, но, будучи прагматическим, т. е. опирающимся на прагматическую структуру ситуации (подробнее см. Борщев, Парти 2002 и Partee, Borschev 2005), оно не соблюдает не только границы синтаксических глагольных классов (как считают сторонники теории неаккузативности), но и границы классов таксономических (поэтому говорить о гомогенном поведении, скажем, перцептивных глаголов, действительно, было бы опрометчиво). Более того, как замечает Ю. Д. Апресян, «одна и та же глагольная лексема в разных условиях употребления может вести себя по-разному» (с. 46) — именно этот эффект мы наблюдали только что на примере глагола *зреть*. Для него это аргумент (и весомый) против термина «генитивный глагол» — на который опирается гипотеза Е. В. Падучевой³ (определенно, в этом отношении гипотеза Парти–Борщева оказывается в более выгодном положении).

Но с нашей точки зрения, данное обстоятельство является еще большим препятствием для отстаиваемого самим Ю. Д. Апресяном **словарного** описания распределения падежей подлежащего и, наоборот, служит дополнительным аргументом для поиска семантико-прагматических правил. Получается, что оно свидетельствует в пользу позиции, которую отстаивают, каждый в своей трактовке, Л. Бэбби, Б. Парти & В. Б. Борщев и Е. В. Падучева.

³ В работах Е. В. Падучевой генитивным называется глагол, который в отрицательном предложении допускает, хотя бы в одном из значений или употреблений, субъект/объект в генитиве.

Если оставить в стороне разногласия между последними тремя гипотезами, можно обратить внимание на то, что сама семантико-прагматическая область, в которой они ищут решения проблемы, кажется очень вероятной, правдоподобной, потому что носитель языка, с одной стороны, как показывают эти и другие исследования, довольно легко ориентируется в том, какое предложение грамматически правильно, а какое нет, а с другой — легко меняет свое решение, если обнаруживает изменения в контексте, в том числе и самом широком, влияющем на ракурс, в котором подана ситуация. Важно, что это касается не только правил, регулирующих субъективный генитив: то же самое верно и для генитива объекта.

2. О методике работы

Итак, по-видимому, и в случае генитива / аккузатива объекта при отрицании речь идет именно о такого рода семантико-прагматических стратегиях, которые определяют не только маркирование объекта, но и выбор значения для огромного числа контекстных параметров — тех, которые пока фигурируют как самостоятельные факторы, связанные с падежным маркированием. Говоря в терминах Грамматики конструкций Ч. Филлмора (Fillmore et al. 1988), в конечном счете нужно было бы найти значение конструкции, и из него вычислялось бы не только падежное распределение, но и комбинаторика контекстных свойств. Мы не брались за решение этой задачи — она слишком сложна, потому что семантико-прагматические свойства ситуации — это как раз те, которые наиболее неуловимы.

Тем не менее, мы выбрали стратегию поиска таких свойств: брали те области употреблений конструкции с отрицанием объекта, которые известны как предпочитающие именно аккузативное или именно генитивное маркирование и в них искали «исключения»: генитив при ожидаемом аккузативе или, наоборот, аккузатив при ожидаемом генитиве — в зависимости от выбранного материала. Таким образом, предметом исследования каждый раз становился «остров неповиновения» основной тенденции. Идея состояла в том, что параметры, заставляющие в этом случае выбирать *другой* падеж, наперекор основному, должны

быть чрезвычайно сильны и значимы для говорящего, и может оказаться, что в таком окружении их легче обнаружить.

Поиск велся по самым разным направлениям, но в сборник попали в основном те работы, которые связаны с глагольной семантикой. Надо сказать, что это довольно узкое место в работах по генитиву объекта. Глаголов с генитивным субъектом не так много, и для генитива субъекта семантика глагола издавна принималась во внимание и становилась предметом анализа как фактор, влияющий на падежное маркирование. А по отношению к генитиву объекта, который допустим при огромном количестве переходных глаголов разнообразной семантики, такая задача не ставилась. Мельком упоминалось, что к генитиву склонны глаголы восприятия, мысли, обладания. В (Mustajoki, Heino 1991) впервые обращено серьезное внимание на связь генитива объекта с лексической семантикой глагола. Приводится подробная статистика, иллюстрирующая «склонности» того или иного таксономического класса глагола к генитиву или аккузативу объекта. В той же работе сделана и попытка подойти к каждому глаголу класса индивидуально — но недостаточный объем корпуса фактически свел эти попытки на нет, и таксономический подход остался доминирующим.

Работа (Падучева 2006) тоже имеет таксономическую направленность: обсуждаются классы «генитивных» глаголов, способствующих генитивной семантике, и «аккузативных», ей препятствующих: глаголы создания, восприятия, обладания, знания, а также глаголы приближения к наблюдателю (объекта-нелица, ср. *не принес статьи*) отнесены к генитивным; глаголы физического и эмоционального воздействия и глаголы речи (с объектом-лицом, типа *поздравить*) — к аккузативным. Прослежены семантические компоненты, которые объединяют генитивные глаголы объекта и субъекта: компонент «существование» роднит глаголы создания, типа *построить*, с бытийными; компонент «восприятие» сближает переходные глаголы восприятия / обладания (*ответа не слышу, не имею*) с глаголами появления на сцене (*ответа не пришло*). Однако, как уже говорилось, ограничения в терминах классов глаголов носят слишком общий характер.

Исследования участников семинара убедительно показали, что разные глаголы одного и того же класса могут вести себя по-разному — это подтверждает уже цитированное выше мнение Ю. Д. Апресяна и других исследователей — правда, высказывавшееся по поводу субъектного генитива.

3. Результаты

3.1. А. В. Десятова рассматривала посессивные глаголы, в группе которых центральным является иметь, вообще не допускающий аккузатива при отрицании и, как считается, «задающий тон» для всей этой группы. Выяснилось, что, с одной стороны, действительно, глагол *содержать*, наиболее частотный после *иметь*, сохраняет его генитивную ориентацию, но уже тройка *сохранять / сохранить и хранить* гораздо более аккузативна, так что автор предлагает выделить ее в особую подгруппу.

На том же материале обнаруживается, что падежное маркирование может быть распределено по отдельным значениям одного и того же глагола — или, что то же самое, изменение способа маркирования объекта сопровождается семантическим сдвигом глагола. Действительно, согласно А. В. Десятовой, даже глагол *содержать* имеет, пусть очень узкую, но «сугубо аккузативную сферу употреблений», касающуюся имен родства женского пола при одушевленном субъекте, ср. примеры (21—23): *не содержит дочь (*дочери) / мать (*матери) / сестру (*сестры)*, — где *содержать* значит ‘оплачивать расходы кого-л’. В то же время, «за пределами этой сферы всегда возможны оба варианта» (там же): *не содержит любовницу / любовницы*, — ввиду того, что другие имена не имеют обязательной презумпции существования (ведь в контексте такой ситуации любовница не обязательно была, существовала, в отличие от матери или сестры — и тогда это имя маркируется генитивом).

В статье А. В. Десятовой анализируются и другие случаи предпочтения аккузатива глаголом *содержать*, а также глаголом *хранить*; общий вывод ее в том, что семантический сдвиг в этих употреблениях (иногда — серьезный, так что можно говорить о том, что глагол выступает в другом значении) связан с

появлением или усилением презумпции существования объекта (ср. здесь статьи А. Б. Летучего и А. В. Беляевой).

3.2. Похожие выводы были получены М. А. Рожновой (ее статьи нет в сборнике). Она исследовала презумптивные глаголы *трогать*, *уронить* и *забыть* (преимущественно в контексте императива), которые традиционно считаются аккузативными. Ее материал тоже показывает, что при переходе от аккузативных контекстов к генитивным (или контекстам свободного варьирования) наблюдается сдвиг значения глагола.

Так, например, согласно М. А. Рожновой, в значении ‘тактильного контакта’ глагол *трогать* всегда требует аккузатива, ср.:

- (3) *Ой, да не трогайте вашу пушку / *вашей пушки, что вы за неё хватаетесь?*

тогда как в метафорическом значении ‘посягать’ возможно чередование генитива и аккузатива:

- (4) *Не трогай мою жену и моего сына! — завизжал Орлов / Только смотри, не трогай моей жены.*

Точно так же глагол *уронить* в прямом значении — ‘дать упасть на землю’ — аккузативный, а в переносном — ‘испортить репутацию’ — допускает варьирование:

- (5) *Не урони гордого звания Лягуха! / Не урони гордое звание журналиста.*

Глагол *забыть* в значении ‘забыть взять’ сочетается только с конкретными, определенными именами и требует аккузатива:

- (6) *При выходе из поезда не забывайте свои вещи / *своих вещей,* (аккузатив здесь можно объяснить через пропущенный инфинитив *взять*); значение ‘помни содержание’ тяготеет к аккузативному объекту, ср.:

- (7) *Не забывай пароль / *пароля!* или:

- (8) *Больше не забывай роль / *роли посреди пьесы.*

Однако, в случае таких объектов, как клятва и обещание, возможны оба падежа, ср.:

- (9) а. *Не забудь клятвы своей* (может пониматься как: ‘не забудь о том, что ты поклялся’), *а я буду каждый день и ночь поминать тебя в своих молитвах*

VS.

- б. *Не забудь клятву* (= ‘текст клятвы’) *Гиппократа!*

Любопытно, что известное противопоставление абстрактных и конкретных объектов (абстрактные тяготеют к генитивному оформлению, а конкретные — к аккузативному) получают дополнительную поддержку еще с одной стороны: как правило, при смене типа объекта происходит и сдвиг глагольного значения. Таким образом, меняется вся ситуация в целом, а не только ее отдельный компонент, в том числе, по наблюдению М. А. Рожновой, и распределение ролей участников: «изменение значения глагола может переносить фокус с объекта (сильно затронутого в первом, основном значении) на субъект (ср. *уронить* или *забывать*) или на всю ситуацию (*трогать*)».

Изменение фокуса заставляет вспомнить метафору кинокамеры, которая использовалась Б. Парти и В. Б. Борщевым и которая в принципе может быть применена и к этим примерам.

3.3. Поиск общих точек с субъектным генитивом продолжает статья Е. А. Демьяновой. Она снова рассматривает генитивные глаголы, а именно глаголы восприятия, но принцип выбора «исключений» у Е. А. Демьяновой совершенно другой: ее внимание привлекают не случаи, противоречащие общей генитивной стратегии, а как раз те, когда генитив обязателен, т. е. не имеет аккузативного варианта. В качестве дополнительного материала привлекаются и фразеологизмы, в которых тоже нет варьирования и употребляется только генитив, причем, считает автор, он является не просто частью «мертвого» застывшего языкового выражения, а проявлением того же правила, которое действует в «свободных» генитивных контекстах сходной семантики.

Для объяснения предлагается свежая идея: экспериментальное знание об объекте, — отрицание такого знания ведет к отрицанию существования самого объекта и обуславливает обязательность генитива. Автор показывает, что во всех рассмотренных ею примерах глаголы восприятия претерпели семанти-

ческий сдвиг и значат не обычное восприятие на слух или на вкус, а особый вид контакта с объектом, ср.:

- (10) *Дак вот, плешь какая, — Аскольд опечалился. — Пришли ребята с Жорж-Банки, четыре месяца берега не нюхали, а их в порт не пускают.* [Г. Владимов. Три минуты молчания]

То обстоятельство, что из отсутствия опытного знания об объекте следует его не-существование, по мнению Е. А. Демьяновой, связывает поведение субъектного и объектного генитива. Дело в том, что в субъектном генитиве смысл бытийности тоже не всегда непосредственно выражен в предложении, в ряде случаев он, как известно, выводится из называемой глаголом ситуации, ср. примеры типа *фонарей не горело* или *не белело парусов на горизонте*. Е. А. Демьянова пробует пойти тем же путем, и для своего фрагмента материала ищет ответ на вопрос о том, насколько идея отсутствия объекта в мире определяется его перцепцией.

3.4. А. В. Беляева объединила в своем исследовании обе загадочные группы генитивных глаголов — и обладания, и восприятия, мотивируя это решение тем, что в обоих этих случаях отрицание создает эффект отсутствия объекта, — разница лишь в том, реальное оно или воспринимаемое.

В работе выбрано несколько представителей этих групп глаголов и исследуются контексты, где они обнаруживают неожиданное поведение: например, сугубо генитивное — как иногда бывает у глагола *найти*, несимметричное — как в паре конверсивов *покупать — продавать* и др. На базе анализа подобных примеров делаются интересные наблюдения о влиянии семантико-прагматических свойств глагола на выбор генитивного маркирования. Понятно, что поведение каждой лексемы при таком подходе оказывается индивидуально, но, что интересно, автору удается усмотреть общее в индивидуальном.

В частности, показано, что довольно большую роль для того, чтобы выбор генитива оказался для говорящего единственно правильным, играет импликация отсутствия объекта, как в примерах типа *нигде не найдете таких бань*. Здесь даже можно было бы говорить о существенном сдвиге значения глагола: *не*

найти, по мнению А. В. Беляевой, означает, скорее, просто ‘их нет’, а не неудачу поисков.

Говоря об импликации отсутствия, автор выходит за рамки обсуждения собственно синтаксической конструкции отрицания. Объектом отдельного анализа становятся глаголы, которые, так сказать, не нуждаются в отрицании — в своих положительных формах они семантически связаны с отрицанием обладания: речь идет о предикатах, обозначающих каузированное прекращение ситуации обладания. Здесь А. В. Беляева обращается к диахроническому материалу и противопоставляет две группы глаголов. Представители первой, ср. *лишить*, *освободить*, в древнерусском управляли генитивом объекта, представители второй, ср. *отбирать*, *изымать*, — аккузативом. Различие в управлении автор объясняет тем, что во втором случае существенным аспектом описываемой ситуации является переход объекта к новому посессору, тогда как в первом случае наиболее значимым оказывается именно возникновение ситуации отсутствия объекта. Тем самым импликация отсутствия оказывается общим семантическим фактором для отрицания, выраженного поверхностно, и для отрицания, встроенного в семантику глагола.

Другой существенный, по мнению автора, семантико-прагматический фактор, который определяет кодирование объекта под отрицанием, — это новизна объекта для адресата. А. В. Беляева рассматривает его в типологической перспективе и считает русское противопоставление генитива / аккузатива под отрицанием разновидностью расщепленного маркирования объекта. В языках мира с таким грамматическим свойством известный объект чаще маркируется более сильным падежом, чем новый — в этом, по ее мнению, секрет высокой генитивности *дарить* (объект нов), в противовес аккузативности *возвращать* (объект известен). В том же ряду она рассматривает и пару *покупать* — *продавать* и на этом основании предсказывает распределение падежей в корпусных примерах: *продавать* как вводящий известный объект должен быть аккузативным, а *покупать* — обладать большей генитивностью.

3.5. А. Б. Летучий ищет «исключительное» поведение сразу и в группе генитивных, и в группе аккузативных глаголов. Сначала он рассматривает прототипического представителя группы глаголов сильного воздействия — *убить*, затем генитивные глаголы эмоционального восприятия (как *ощущать*) и после этого возвращается к аккузативным на материале глаголов речи.

Главная его гипотеза строится на примере глагола *убить*: при генитивном оформлении объекта объект говорящему не важен — в отличие от аккузативного, которое его специально акцентирует. Частным случаем, проявлением «внимания» аккузатива к объекту может быть презумпция существования или особая выделенность объекта. Естественно, что это в первую очередь касается индивидуальных, конкретных объектов, и в особенности имен собственных.

Однако, что интересно, все эти чисто семантические условия могут быть нарушены за счет особой прагматики ситуации — такого взгляда на нее, при котором глагол и объект становятся как бы одним целым, как если бы объект оказался инкорпорирован в глагол. А. Б. Летучий разбирает эту ситуацию на крайне неожиданных с точки зрения специалистов примерах типа *не убивал матери*, которые, тем не менее, встречаются, по его данным, во вполне добротных литературных источниках. Он рассматривает их в том же ряду, что и предложения с опущением объекта типа *не пил <алкогольных напитков>*. Анализ примеров с глаголами других групп подтверждают открытый автором принцип.

Очень интересна попытка А. Б. Летучего сопоставить в связи с этой идеей субъектный и объектный генитив. Метафора кинокамеры, перемещающейся от одного участника к другому, была придумана Б. Парти и В. Б. Борщевым для генитива субъекта: она то высвечивала субъект (номинативное маркирование), то уходила от него на периферию, останавливаясь на локативной группе. А. Б. Летучий считает, что в случае объектного генитива происходит то же самое, но только за право находиться в объективе камеры субъект «спорит» с объектом. В части случаев важнее для «режиссера» оказывается субъект — тогда объект, уходя в тень, как бы инкорпорируется глаголом и для него

выбирается генитив. Если же объект «в кадре», т. е. выбран аккузатив, велика вероятность, что прагматически он играет ключевую роль в ситуации в целом, так что его невозможно было бы опустить.

В определенном отношении работа А. Б. Летучего, которая не замыкается на одной группе глаголов, имеет большую объяснительную силу, чем предыдущие, и обобщает представленный в них материал, который весь вполне встраивается в его идею.

3.6. А вот заключительная статья сборника — Д. А. Эршлера — стоит особняком и по сюжету, и по преимущественно синтаксическому взгляду на анализируемую проблему. Тем не менее, легко показать, что те факты, которые обнаружены в этой работе, вполне укладываются в рамки общего для этого сборника подхода. Действительно, речь в статье идет о той же падежной вариативности под отрицанием, но, так сказать, с «неполноценными» объектами — временными и пространственными типа *не добежать пяти метров*. В целом контексты такого рода принято считать для проблематики генитива объекта периферийными, особенно большого внимания им в литературе не уделяется. Тем более интересным оказывается корпусное исследование, в котором исчерпывающе проанализирован материал, имевшийся на тот момент в НКРЯ, а также привлечен и выверен дополнительный. Для краткого (и субъективного) изложения основных, с нашей точки зрения, открытий автора, мы оставим в стороне пространственные и ограничимся только временными контекстами.

В русистике хорошо известно, что в обычных случаях генитив с временными отрезками в качестве квазиобъекта, в отличие от прототипического пациентного объекта, невозможен, ср.: *Я пишу письма* → *не пишу письма / писем*, но: *Болею неделю* → **не болею недели* (только: *неделю*).

Внимательный анализ материала показывает, однако, что есть особый, небольшой круг глаголов, для которых генитив возможен — это прежде всего глаголы определенных морфологических классов (с приставками *до-* и *вы-*), ср.: *дожить*, *выдержать*. Однако семантика этих временных сочетаний принципиально иная, чем ожидается: в отличие от более стандартных

и «запрещенных» с генитивом глаголов, они не обозначают в этом случае ни длительного процесса, ни длительного состояния.

В самом деле, стандартное временное (и аккузативное) *не болел неделю* значит 'не болел, и это длилось неделю'. Такая интерпретация возникает за счет того, что *болеть* обозначает состояние, которое может продолжаться определенное время. У глаголов других аспектуальных классов (действий, процессов) семантика состояния (или гомогенного процесса, также длительного) возникает как результат операции отрицания: *не ел неделю* описывает уже не действие (как исходное *ел*), а состояние (= состояние отсутствия действия, если так можно сказать), для которого существен параметр длительности. Если бы для глагола по каким-то причинам и под отрицанием был бы неестествен переход в класс состояний / процессов (например, если бы это был глагол мгновенного результата), он не смог бы выступать в конструкции аккузатива времени, ср. пару: ?*не искал неделю* — **не нашел неделю*⁴.

Те нестандартные с точки зрения поведения во временной конструкции глаголы, которые рассматривает в своей статье Д. А. Эршлер, нестандартны и в плане аспектуального класса: они представляют глаголы моментального результата и поэтому в принципе не могут иметь ожидаемой в этом контексте интерпретации: *'он не дожил, и это длилось неделю'. Вместо него у них возникает другое значение: разновидность «антирезультатива» (недостигнутый результат). Если учесть тот поразительный с точки зрения всех канонов композициональности факт, что отрицание вводит в семантику таких глаголов новый аргу-

⁴Обратим внимание на разный «вес» запрета: *найти* — глагол мгновенного результата, и единственно возможная интерпретация аккузатива — объектна (*не нашел подходящую неделю для отдыха*). *Искать* — глагол действия, из тех, которые плохо переходят в состояние под отрицанием (отдельный интерес представляют условия и причины такого рода затруднений); и все же можно, при некоторых специальных условиях, представить себе его во временном контексте, ср. достаточно искусственные примеры типа: *Кошмар! Прошло столько времени! Ты не искал свой правый носок уже целую неделю!*

мент⁵, причем с временной семантикой, ясно, что у него имеется особая семантика — не общей длительности, а, как оказывается, измерения специального временного интервала, так что: *не дожиди недели до X* = ‘жил до момента Y, но не до момента X; временной интервал YX равен неделе’.

Таким образом, в работе фактически показано, что в исследуемых случаях генитив появляется в неконкурентной обычной временной, особой конструкции МЕРЫ. Эта конструкция имеет другие, чем обычная временная, семантико-синтаксические свойства, хорошо согласующиеся с генитивной семантикой в целом. Например, как убедительно доказывает Д. А. Эршлер, она в некоторых отношениях близка двум известным сильногенитивным (в смысле Мустайоки–Хейно, т. е. требующим под отрицанием исключительно генитива объекта) контекстам — с частицами *и* и *ни*, ср.: *не выдержал и двух минут; не спал ни секунды*. Поэтому сама возможность генитивного оформления квазиобъекта (наряду с аккумулятивным) семантически мотивирована. Эта мотивация опирается на тот факт, что, в отличие от обычного измерения временным интервалом (как в конструкции с *болеть*), и сходно с *и/ни* конструкциями, речь не идет о конкретном временном интервале — а скорее о нереферентной МЕРЕ, если можно так сказать, о мере неосуществившегося результата.

4. Заключение

Итак, во всех представленных работах исследованы семантические классы или подклассы глаголов и на ярких примерах показано их влияние на выбор генитивной / аккумулятивной стратегии объекта. При этом речь идет обычно об «исключитель-

⁵ Неясно, насколько широко этот факт известен в русистике — он был отмечен в недавней работе (Апресян 2006) для более широкого класса случаев, но, по-видимому, был независимо открыт и самим Д. А. Эршлером. Никаких объяснений этому обстоятельству пока нам неизвестно, хотя его теоретическая интерпретация была бы крайне полезна — например, она могла бы разрешить существенные трудности описания нетривиального семантического поведения глагола *хватать* в контексте отрицания (ср. здесь Кор-Шаин, Рахилина 2008).

ных» зонах — тех, где вместо ожидаемого по всем правилам падежа обнаруживается другой. Работы демонстрируют высокую степень сложности взаимодействия семантики и синтаксиса: во всех статьях говорится о том, что следующий глагол класса ведет себя все-таки не совсем так, как только что разобранный. Казалось бы, такой «расклад» должен поддержать сторонников лексикализованности конструкции генитива объекта.

Между тем, наряду с тщательным анализом материала, авторы делали попытки увидеть общую стратегию в поведении конкретных предикатов. Эти попытки в лингвистике в целом всегда несовершенны: сосредоточившись на общем, исследователь теряет детали.

Так что же важнее: изучить каждый семантический класс или понять общую стратегию? С точки зрения теории Грамматикой конструкций, на которую в общем опирались эти работы, важно значение конструкции в целом, и из него выводятся лексико-семантические типы допустимых предикатов и их сочетаемостные возможности в конкретном фрагменте контекста. Мы стремились к этому.

Но понять значение конструкции в целом можно только проверив свою гипотезу на «трудных» примерах из реально существующих текстов. В работах, представленных авторами сборника, таких примеров много — так что если вдруг читатель не согласится с нашими новыми идеями и гипотезами, здесь высказанными, он безусловно оценит представленный материал.

Литература

- Апресян Ю.Д. 1974. Лексическая семантика. М.: Наука.
- Апресян Ю.Д. 2006. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: ЯСК.
- Борщев В.Б., Парти Б. 2002. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика, вып. 37, 59–78.
- Булыгина Т.В. 1982. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 7–86.
- Ицкович В.А. 1982. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука.

- Кор-Шаин И., Рахилина Е.В. 2008. Чего не хватает глаголу *хватать*? // Логический анализ языка: отрицание. М.
- Кузнецова, Ю.Л. 2005. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 616–637.
- Падучева Е.В. 1992. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics*, vol. 16, 53–63.
- Падучева Е.В. 1997. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопросы языкознания* 1997, № 2, 111–116.
- Падучева Е.В. 2008. Генитив отрицания и Наблюдатель в глаголах типа *звенеть* и *пахнуть* // *Язык как материя смысла. К 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник.
- Рахилина Е.В. 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари.
- РГ-80: Русская грамматика. 1980. М.: Наука.
- Babby L. 1980. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor.
- Babby, Leonard H. 2001. The genitive of negation: a unified analysis // Steven Franks, Tracy Holloway King and Michael Yadroff (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Bloomington Meeting 2000 (FASL 9). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 39–55.
- Borschev V., Partee B.H. 2002. The Russian genitive of negation in existential sentences: The role of Theme-Rheme structure reconsidered // E. Hajičová et al. (eds.). *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)*, 4. Amsterdam: Benjamins, 185-250.
- Borschev V., Partee B.H. 2004. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics*, v.10, No.1–2, 2002, 105–145.
- Chvany C. 1975. *The Syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge, MA: Slavica.
- Corbett G.G. 1986. The Use of the Genitive or Accusative for the Direct Object of Negated Verbs in Russian: A Bibliography // R.D. Brecht and J.S. Levine (eds.) *Case in Slavic*. Columbus, Ohio.

-
- Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. 1988. Regularity and idiomatism in grammatical constructions: the case of *let alone* // *Language* 64, 501–538.
- Harves S. 2002. Unaccusative Syntax in Russian. Ph.D. Dissertation, Princeton University.
- Kuznetsova, J. 2004. Against the Russian distributive construction with preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // Tasseva-Kurktchieva M., Franks S., Gladny F. (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, 13, Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Levin B., Rappaport Hovav M. 1995. *Unaccusativity*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mustajoki A., Heino H. 1991. Case selection for the direct object in Russian negative clauses [Slavica Helsingiensia 9]. Helsinki.
- Partee B.H., Borschev V. 2005. The semantics of Russian Genitive of Negation: The nature and role of Perspectival Structure // K. Watanabe, R.B. Young (eds.) *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14*. Ithaca, NY: CLC Publications, 212–234.
- Perlmutter D. 1978. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 157–189.
- Pesetsky D. 1982. *Paths and Categories*. Ph.D. Dissertation, MIT.
- Timberlake A. 1975. Hierarchies in the Genitive of Negation // *Slavic and Eastern European Journal*, Vol. 19.